

АРХИГЕН ИЗ АПАМЕИ: УЧЕНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ
(ЮВЕНАЛ 6.231—241)

Объектом нашего внимания является следующий фрагмент из 6-й сатиры Ювенала (ст.231—241):

Теща покуда жива, не надейся в семье на согласие:
Теща научит ценить разорение полное мужа,
Теща научит искусно, хитро отвечать на записки,
Что соблазнитель прислал; она расположит подачкой
Иль проведет сторожей; хоть здорова вполне ее дочка, —
Теща зовет Архигена, одежды тяжелые снимет;
Скрытый меж тем в потаенных местах, любовник запрятан;
Он, нетерпения полный, молчит — и готовит оружие.
Ты не дожدهшься, чтоб мать дала дочери честные нравы —
Нравы, каких не имеет сама: ведь гнусной старухе
Полный расчет — воспитать такую же гнусную дочку.

(Пер. Д.Недовича под ред. Ф.А.Петровского)¹

В комментарии А.Солопова к ст.236 читаем: «Архиген — знаменитый врач; подкупленный, он прописывает мнимой больной уединение и тем помогает принимать любовников».² Не касаясь пока фактов, отметим тут же внутреннюю несуразность: неужели супруге недостаточно просто сказать-ся больной и надо обязательно представить мужу «больничный лист» от самого Архигена? Далее: судя по тексту перевода, любовника готовится принять вовсе не жена, а ее мать. Наконец: откуда возникло сообщение о продажности Архигена? Сам Ювенал как будто нигде прямо об этом не говорит. Архиген упомянут еще в двух местах: в 13-й сатире (ст.98), где засвидетельствован авторитет этого врача как специалиста по эллебору, или чемерице, — популярному лекарственному растению; и в 14-й (ст.252), где старику-скряге рекомендуется обращение к Архигену как к последней надежде. Надо полагать, что Ювенал не упустил бы случая поведать о нечистоплотности знаменитого медика вполне открыто, особенно в первом контексте.

По-видимому, цитированный фрагмент нуждается в ином, более развернутом толковании. Мы располагаем достаточными сведениями об Архигене.³ Он родился в Апамее (Сирия), практиковал в Риме, где и умер в 117 г. н.э. в возрасте 63 лет. Его отец Филипп был также врачом, и, возможно, именно его упоминает Ювенал в 12-й сатире (ст.125). Архиген считался последователем так называемой школы пневматиков, полагавших, что человеческий организм функционирует благодаря особому жизненному началу — пневме: понятие, заимствованное из стоической философии. Впрочем, Гален (около 129—210 гг.), последний великий врач античности, относил Архигена к школе эклектиков (XIV, 699),⁴ указывая, что последний был учеником Агафина из Спарты, который считался основателем медицинского эклектизма. Впрочем, Агафин, в свою очередь, являлся учеником Афиная из Атталии, основоположника школы пневматиков, а также философа-стоика Луция Аннея Корнута.⁵

Ни одно из сочинений Архигена не сохранилось, но зато осталось более 90 ссылок и цитат у Галена и 11 фрагментов-глав в «Медицинских сводах» — антологии, составленной врачом Орибазием из Пергама в IV в. Круг интересов Архигена выглядит внушительно: Он занимался болезнями головы (XII, 572—573, 576, 655, 661, 664), лечением лихорадок, о чем написал трактат в десяти книгах (XI, 669), глазами болезнями (XII, 790), стоматологией (XII, 855). Архиген написал 11 книг писем-консультаций (VIII, 150) и трактат о лечении хронических болезней, из первой книги которого Орибазий сохранил пространные главы об употреблении чемерицы (8.1—2).

Высшим достижением Архигена можно считать его теорию пульса и разработку методов пульсовой диагностики: основы были заимствованы у знаменитого александрийского врача III в. до н.э. Герофила.⁶ Трактат Архигена «О пульсе» стал базовой работой для римской медицины, в частности для Галена, написавшего свое сочинение на эту тему (VIII, 493). Можно сказать, что Гален в целом высоко оценивал Архигена как специалиста, даже в тех случаях, когда полемизировал с ним (IX, 453, 546). В области теории пульса

Архиген назван первым после Герофила, и к ним обоим, считал Гален (VIII, 602), вполне приложимо известное высказывание Гомера (Од. X, 495): οἶος τέλμωναι, τοῖ δὲ σκιάι αἴσσοσιν.⁷ Александр из Тралл, врач VI в., наградил Архигена эпитетом θεῖοτάτος (7.6).

Возвращаясь теперь к предмету рассмотрения, отметим: ни в одном источнике нет и намека на моральную нечистоплотность Архигена. Это, конечно, не означает, что с организацией здравоохранения в Риме все обстояло благополучно. Поскольку в античности не существовало понятия медицинского диплома,⁸ то в Риме, как и в Греции, каждый, кому вздумалось, мог объявить себя врачом и заняться частной практикой. Если в относительно маленьком греческом полисе обман раскрывался почти немедленно, то в миллионном Риме проверка была затруднена: отсюда большое количество шарлатанов и корыстолюбцев среди медиков, о чем немало свидетельств мы находим у Плиния Старшего, Марциала, Галена и др.⁹ Однако применительно к Архигену следует искать иное объяснение.

Латинский текст отрывка, похоже, еще более усложняет задачу. Здесь, после того как теща либо «обманывает, либо укрощает сторожей деньгами» (decipit... custodes aut aere domat), следует:

235

... tum corpore sano
Advocat Archigenem onerosaque pallia iactat.
Abditus interea latet et secretus adulter, ...¹⁰

Как видим, главная проблема — в действующем лице. Кто именно — мать или дочь, — «будучи здоровой» (corpore sano), «вызывает Архигена и сбрасывает тяжелые покрывала»? Причем, если все это проделывает мать, то любовник, который «тем веремением» (interea) уже наготове, явно предназначен для дочери, и наоборот.

Издатели прошлых лет публиковали довольно много мнений, порой весьма курьезных. М.Мэйден считал, что под видом Архигена в дом должен проникнуть любовник, предназначенный для дочери, в то время как у якобы больной матери уже заготовлен свой воздыхатель, спрятанный где-то в апартаментах.¹¹ Руперти признавал действующим лицом

мать, которая под предлогом болезни дочери удаляет из дома всех слуг и мужа, вызывает Архигена и одновременно запускает внутрь всяческих прелюбодеев (*aditum Iocumque det moechis*). Издатель упоминает версию других комментаторов, будто бы под личиной доктора мог скрываться любовник, но не соглашается с таковой.¹² А. Маклин также полагал действующим лицом мать, которая, однако, не «сбрасывает», но «набрасывает тяжелые одеяла» на «больную» дочь. Версию о любовнике в образе доктора издатель отверг, как противоречащую контексту.¹³ Добавим к этому, что в Риме Архигена, видимо, неплохо знали в лицо, так что выступить в его роли было делом непростым. Указанная же версия берет свое начало от схолиаста IV в., согласно которому, теща, прикинувшись больной, зовет Архигена, но вместо него приходит любовник (*pro medico intrat adulter*).¹⁴ Дж. Льюис считал, что субъектом здесь является не мать, а дочь, выходящая на первый план в словосочетании *согре сапо*. Муж и слуги удаляются из дома, любовник же дочери, ранее проникший в дом при посредничестве тещи, ждет окончания визита врача. Именно дочь «сбрасывает тяжелые одеяла», готовясь к осмотру.¹⁵ Аналогично мыслил Дж. Дафф, полагавший, что «подлежащим при *advocat* должна быть дочь, но не мать: в то время как последняя устроила все приготовления, жена притворяется заболевшей и посылает за доктором с целью не допустить мужа на свою половину».¹⁶

Е. Куртни в недавнем комментарии возвращается к более раннему толкованию, указывая, что подлежащим в отрывке *tup... iactat* должна быть мать. В подтверждение приводится ссылка на упомянутую схолию IV в. в той ее части, где объясняется, что мать симулирует болезнь, дабы предоставить дочери возможность принять любовника. Сюжет о мнимой болезни, замечает комментатор, встречается и у других поэтов, например Овидия (Любовные элегии 2.2.21; Наука любви 3.641) или Марциала (11.7.7).¹⁷

В рассмотренных комментариях внимание акцентировалось прежде всего на грамматической части: имеется ли в данном фрагменте смена подлежащего, или же при всех сказуемых — *decipit, domat, advocat, iactat* — следует

разуметь одно и то же лицо, т.е. тещу. Однако главный вопрос остался без ответа: при чем тут, собственно, Архиген? Или, скажем иначе, зачем нужен знаменитый врач для такого заурядного случая? Допустим, для пущей убедительности вранья. Тогда, следуя за Е. Куртни, версия которого выглядит вполне приемлемой, мы должны представить такое развитие сюжета: пока врач осматривает мамашу, дочь успевает насладиться любовной игрой, ибо *secretus adulter* предназначен явно для нее. Однако здесь есть маленькая неувязка: если Архиген и впрямь высококлассный специалист, он должен быстро разобраться с мнимой больной, и тогда у второй дамы просто не хватит времени на утеху! В самом деле, соблазнительно видеть тут подкуп врача, но никаких намеков на это мы не находим.

Между тем Ювенал, вводя в данный пассаж Архигена, должен был иметь в виду некую особенность, присущую именно этому доктору. Заметим, что присутствие Архигена в других сатирах четко обусловлено. Например, 13-я сатира (ст.97—98):

... ведь и Ладас-бедняк был готов на подагру богатства
Ради, а он чемерицы не ел, Архиген был не нужен.

(Пер. Ф. А. Петровского)

В этих иронических строках коротко упоминается общеизвестный факт: Архиген — специалист по чемерице. В другом месте (14.252—255) читаем:

Живо зови Архигена, купи себе то, что состряпал
Царь Митридат, если хочешь срывать еще новые фиги,
Новых повырастить роз, — запасись непременно лекарством:
Должен его принимать пред едою и царь, и родитель.

(Пер. Ф. А. Петровского)

Иными словами, рекомендуется обращение к Архигену в самом крайнем случае. Заодно Ювенал советует приобрести териак — универсальное противоядие или нечто вроде панацеи. Это сложное средство из 54 ингредиентов было изобретено, по преданию, царем Митридатом VI Понтийским; над усовершенствованием териака работали фармакологи Зопир, Авл Корнелий Цельс, Андромач Старший, придвор-

ный медик Нерона, и сам Гален, который довел число ингредиентов до 100.¹⁸ Архиген тераком не занимался, но его авторитет специалиста по лекарственным средствам не подлежит сомнению, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки Галена (XII, 463, 573, 661, 665, 679, 859, 876; XIII, 167, 331; XIV, 321 след.).

Таким образом, в двух случаях появление Архигена в сатирах Ювенала легко объяснимо и оправдано контекстом. Однако в рассказе о происках тещи этот доктор выглядит каким-то инородным телом. Почему же все-таки именно Архиген приглашен к мнимой больной, причем его визит должен служить прикрытием?

Как отмечено выше, Архиген, кроме всего прочего, был выдающимся специалистом в теории пульса, а также в пульсовой диагностике. Курт Шпренгель, ведущий историк медицины начала XIX в., сообщает, что Архиген различал 8 родов пульса в зависимости от величины, силы, скорости, частоты, полноты, порядка, соразмерности и ритма. Далее каждый род подразделялся еще на 3 типа: сильный, средний и слабый. Наконец, Архиген выделял еще 28 оттенков пульса, комментировать которые Шпренгель просто отказывается!¹⁹ У Галена мы находим немало замечаний о сложности пульсометрии: например, признание в том, с каким трудом он постигал в течение многих лет тайны диагностики по пульсу (VIII, 771), рассуждение о том, можно ли вообще ощущать пульсацию артерий (VIII, 786), описание процесса постановки диагноза, требующего исключительного терпения и внимания (VIII, 790—818). Ссылки на Архигена лишней раз свидетельствуют о высокой профессиональной подготовке последнего. Так, частый и поспешный пульс Архиген считал крайне опасным признаком (IX, 289), твердый — показателем лихорадки (VII, 686), изобильный — признаком опухоли артерии (VIII, 598) и т.д. Если подытожить все замечания Галена, то получается, что для грамотного диагноза по пульсу требовалось много времени. Герофил, знаменитый александрийский врач III в. до н.э., даже изобрел карманные водяные часы — нечто вроде таймера — для более тщательных измерений.²⁰

Скорее всего, Архиген должен был пользоваться известностью среди современников в том числе и как специалист по пульсовой диагностике. Тогда можно предположить, что его пациенты были хорошо осведомлены о его манере обследования больного. Причем не только пациенты, но и просто горожане, видимо, знали или что-то слышали об особенностях Архигеновой диагностики. Попробуем еще раз вчитаться в разбираемый фрагмент Ювенала: Что, собственно, нужно теще, изображающей больную? Только одно — выиграть время, чтобы дать возможность дочке как можно дольше наслаждаться любовью. В таком случае достаточно пригласить именно Архигена, известного своей вдумчивостью и скрупулезностью, до его прихода слегка попотеть под «тяжелыми одеялами», дабы вызвать лихорадочный румянец, а затем спокойно отдыхать на ложе, пока крупнейший специалист по лихорадкам и пульсу будет тщательно фиксировать едва уловимые толчки на запястье или шее, сверяя результаты со своими бесчисленными родами, типами и оттенками. При этом никаких тяжелых процедур или анализов и главное никакого риска: в худшем случае врач сообщит, что тревога ложная, лихорадки нет, а наличествует лишь временный жар. Удалить хозяина дома под таким предлогом не составит труда: все знают, и он сам тоже, разумеется, что Архиген всегда работает долго, особенно если подозревает лихорадку.

Предложенное толкование, конечно, не бесспорно, ибо основано лишь на косвенных данных, почерпнутых из очень специфической области знания — истории античной медицины. Но без обращения к таковой едва ли возможно скольконибудь внятное понимание любого литературного фрагмента, героем которого является врач — не вымышленный персонаж, но лицо, реально засвидетельствованное источниками.

Примечания

¹ Здесь и далее цит. по изд.: Римская сатира. М., 1989. С.273.

² Там же. С.519.

³ Подробнее о нем см.: Wellman M. 1) Die pneumatische Schule bis auf Archigenes. Berlin, 1895. S.19—22; 84—85; 170—171; 2) Archigenes //

Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. [S.l.], 1896. Bd 2. Kol.484—486; Standard J. Archigenes // Dictionary of Scientific Biography. New York, 1970. Vol.1. P.212—213; Korpela J. Das Medizinalpersonal im antiken Rom. Helsinki, 1987. S.192. № 211.

⁴ Здесь и далее ссылки на Галена с указанием соответствующего тома и страницы приводятся по изд.: Claudii Galeni Opera omnia // Ed. C.G.Kühn. Leipzig, 1821—1833. Vol.1—22.

⁵ Korpela J. Das Medizinalpersonal... S.79, 186.

⁶ Herophilus: The Art of Medicine in Early Alexandria / Ed., transl., comm. H. von Staden. Cambridge, 1989. P.284, 267—288.

⁷ «Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют». Этот стих был популярен в античности: так говорили о стойке Хрисиппе (Диоген Лаэртский 7.183), Катон Старший отзывался о Сицилоне (Плутарх. Катон 27.6). Ср.: Платон. Менон 100a5; Полибий 36.8.7; Диодор Сицилийский 32.9.a.2.

⁸ Sohn-Haft L. The Public Physicians of Ancient Greece. Northampton, 1956. P.17.

⁹ О медицине в Риме см.: Ковнер С. Г. История древней медицины. Киев, 1888. Вып.3. С.712—715; 983—996; Стрельцов А. Врачи у древних римлян. М., 1888. С.2—16; Сергеенко М. Е.: 1) Простые люди древней Италии. М.; Л., 1964. С.32—50; 2) Ремесленники древнего Рима. Л., 1968. Лучшая и исчерпывающая монография: Scarborough J. Roman Medicine. London, 1969.

¹⁰ Цит. по изд.: Juvenal and Persius / Ed., transl. G. G. Ramsay. London; New York, 1920 (Loeb Classical Library).

¹¹ A New and Literal Translation of Juvenal and Persius / Ed., transl. M. Madan. Oxford, 1807. Vol.1. P.221.

¹² D. Iunii Juvenalis Aquinatis Satirae XVI / Ed. G. A. Ruperti. Glasguae, 1825. Vol.2. P.228.

¹³ D. Iunii Juvenalis et A. Persii Flacci Satirae / Ed. A. J. Maclean. London, 1867. P.132.

¹⁴ Scholia in Juvenalem vetustiora. Stuttgartiae, 1967. P.89.

¹⁵ D. Iunii Juvenalis Satirae / Ed. J. D. Lewis. London, 1882. Vol.2. P.173.

¹⁶ D. Iunii Juvenalis. Satirae XVI / Ed. J. D. Duff. Cambridge, 1900. P.288.

¹⁷ Courtney E. A Commentary on the Satires of Juvenal. London, 1980. P.288.

¹⁸ Demirhan A. The teriacs in the history of medicine and pharmacy // Acta Congressus internationalis XXIV historiae artis medicinae. Budapest, 1976. Vol.2. P.1047—1052.

¹⁹ Sprengel K. Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde: 3. Aufl. Halle, 1822. Bd 2. S.102.

²⁰ Herophilus: The Art of Medicine... P.353, fr.182.